игорь ягупов

Рассказы

Игорь Ягупов
Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23300497

Аннотация

Сборник рассказов, публиковавшихся в разные годы в различных периодических изданиях. Автор исследует поведение людей в различных жизненных ситуациях.

Содержание

УСПОКОИТЕЛЬ МАКАРОВА 4
СВАДЬБА 11
АКТЕР ТЕАТРА МАЛОЙ ВМЕСТИМОСТИ 18
ЛЮБОВЬ НА РАЗВЕС 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

УСПОКОИТЕЛЬ МАКАРОВА

Толик – замечательный сосед. Он тих, вежлив и культурен. К нему хоть среди ночи можно постучать и попросить взаймы спички, соль или сахар. Никогда не получишь отказа, не услышишь в ответ грубого слова. С месяц назад он по собственному почину приладил пружину к двери подъезда, чтобы та не открывалась, пуская в парадное морозный уличный воздух. А еще он ввел в привычку здороваться со всеми, кого встретит на лестнице. Даже с незнакомыми людьми.

– Ах, Татьяна Валентиновна, – благолепно вздыхают жильцы, провожая взглядом мило улыбающегося Толика, – дай бог ей здоровья! Кабы не она…

Благодарность людей понятна. Ведь еще год назад, до того как в их подъезд въехала новая жиличка, все здесь было совсем иначе…

Толян отслужил срочную в горячей точке. Вернулся он оттуда цел и невредим физически, но с весьма расстроенными войной нервами. Несколько раз его возили в клиники Москвы и Петербурга. Но даже столичные светила психиатрии оказались бессильны против душевного недуга бывшего солдата. Заключался он в немотивированной агрессивности. Напившись, а проделывал это Толян регулярно, он гонялся за соседями по подъезду со штык-ножом, ломился к ним в двери и крушил почтовые ящики.

Обращения в полицию не помогали. В отделении Толян быстро приходил в себя, предъявлял справку со жгуче фиолетовой печатью и уже через несколько часов был дома, где спешил залить полученный стресс алкоголем. А напившись…

Зоркие глаза, быстрые ноги да крепкие двери уберегали до поры до времени жильцов от кровавой развязки. Беспредел в отдельно взятом подъезде продолжался несколько лет. Многие, не выдержав испытаний, продавали квартиры, переезжая в более спокойные места. Вновь въехавшие, слишком поздно узнав о местной достопримечательности, кусали локти, плакали навзрыд и поминали продавцов недобрым словом.

И вот год назад из квартиры номер шесть в неизвестном направлении отбыла семья Галкиных.

– Не могу я больше жить в этом лабиринте минотавра, – мотивировал соседям свое решение продать жилье глава семейства Николай Петрович. – У меня сын растет. Переходный возраст у него. Гормоны играют, прыщи пузырятся, реакция замедляется. Не убежит, не увернется. И что тогда?

– Конечно, вам бы хотелось, чтобы прирезали мою тещу, – съязвил Гарынкин из восьмой.

– А вам бы этого не хотелось? – ядовито заметила жена Галкина и поспешно увела мужа домой, ибо где-то наверху послышался рык Толяна.

Через неделю стриженые ежиком крепкие ребята пере-

таскали на второй этаж пожитки новых жильцов. В шестую квартиру вселилась молодая женщина с двумя детьми. Звали новую хозяйку Татьяна Валентиновна. Впрочем, тогда для соседей она была просто Танечкой.

Так уж получилось, что Танечка узнала о диагнозе Толяна очень скоро. В один из зимних вечеров ее дверь сотрясли страшные удары. Сосед в своем безумстве рубил штыкножом деревянный косяк, попутно рассказывая Танечкиным детям все, что он думает об их матери, матери их матери и всей их семье. Язык Толяна был столь выразителен, что за десять минут пятилетний Денис и восьмилетняя Леночка расширили свой словарный запас примерно вдвое. Три месяца потом они спрашивали:

– Мама, а что значит это слово? А это?

Забегая вперед, заметим: детей еще полгода пришлось водить к психотерапевту. Но вернемся к событиям того злосчастного вечера.

– Отдай пенсию! – рычал Толян. – Отдай пенсию, а то всех порешу!

Танечка, обезумев от ужаса, металась по квартире, хватая в руки то топор, то молоток и думая лишь о том, как спасти детей, если дверь не выдержит.

– Мама, отдай ему эту пенсию! – билась в истерике Леночка. – Отдай! Пусть только он уйдет!

Объяснить Толяну через дверь, что никакой его пенсии она не брала и ничего знать о ней не знает, женщине не уда-

лось. Чувство самосохранения заставило Танечку взять себя в руки. И она трясущимися руками набрала телефон полиции. А потом позвонила брату…

Бывшему солдату крупно повезло, что его ангел-хранитель оказался в тот момент на месте. Если бы он на минутку отвлекся и позволил Танечкиному брату приехать первым, жизнь Толяна, возможно, закончилась бы сразу и трагически. Но ангел этого не допустил, и обычно неспешная полиция прибыла раньше. При виде наряда Толян тут же успокоился, вложил штык-нож в ножны и покорно пошел за полицейскими, нащупывая в кармане благословенную справку.

Танин брат на джипе прибыл через десять минут после стражей порядка. Он оказался крепким дядей с бритым затылком и могучими кулаками. Узнав от сестры суть дела, он через две ступеньки вспорхнул на пятый этаж, где жил Толян, резким движением распахнул входную дверь, даже не заметив сгоряча, что она вообще-то была заперта, и пружинистым шагом, нервно сжимая и разжимая кулаки, прошелся по комнатам.

– Пашенька, не надо, а то тебя опять посадят, – семенила за ним следом Танечка, заламывая руки. – Я же сказала, его забрали. Сейчас я пойду в полицию, напишу заявление. Думаю, он долго теперь здесь не появится…

Однако она ошибалась. Уже на следующее утро Толян был дома. Танечка вновь отправилась в полицию. Ее разговор там шел на повышенных тонах, поэтому здесь приведен в

литературной обработке.

– Милостивый государь, – обратилась женщина к дежурному, – не далее как вчера я чуть не была зарезана дома своим соседом из восемнадцатой квартиры. Так почему же он опять на свободе?

– Сударыня, – ответил ей офицер, – сей достойный молодой человек проливал за вас кровь на войне…

– Я нисколько не умаляю его боевых заслуг, – подала голос Танечка, – но не могу установить причинно-следственных связей между его подвигами и возможным убиением меня и моих детей.

– Но ведь не зарезал же он вас? – осторожно напомнил полицейский. – И очередной штык-нож мы у него отобрали. Правда, пятый уже. Кует он их, что ли?

– Так что же делать мне теперь, повелитель улицы? – возопила Танечка.

Внятного ответа она так и не получила, а потому вернулась домой в слезах. И тут же позвонила брату.

– Выезжаю с ребятами, – отрезал Паша, – через пятнадцать минут будем.

Ребята приехали на трех машинах. Они сразу поднялись на пятый этаж и позвонили в искомую квартиру.

– Кто это там? – раздался из-за двери рев Толяна. – Я щас выйду и кому-то морду раскровеню! Дай только дверь открою!

– Что вы, что вы, – услужливо ответили ребята, – не стоит

так беспокоиться. Мы сейчас сами откроем.

Дверь открывалась наружу, но они открыли ее внутрь. Да так энергично, что Толян в обнимку с дверью пролетел весь коридор и обрушился на полу в кухне.

– Ну все, друг, настал тебе истец! – юридически грамотно выразились гости и твердым шагом вступили в квартиру.

Далее события развивались стремительно. Ребята отлепили Толяна от двери, взяли под мышки, вывели во двор, посадили в машину, вывезли за город, свели в кювет, связали за спиной руки, поставили на колени, приставили к затылку ствол Макарова и спросили:

– Ну что, сударь (здесь и далее словом «сударь» будет заменено более развернутое и экспрессивное обращение, содержащее в себе остро негативное отношение ребят к личности Толяна), знаешь Татьяну Валентиновну из шестой квартиры?

– Угу, – сглотнул слюну Толян.

– Так вот, сударь, – продолжили ребята, – если Татьяна Валентиновна будет сидеть дома и отдыхать и вдруг услышит за дверью какой-то шорох, по причине которого ей придется прервать свой драгоценный отдых, и если, выйдя в коридор и взглянув в дверной глазок, она увидит, что это ты, сударь, там ползешь и шуршиш-ш-ш-ш-шь, мы ж тебя, сударь, сюда вывезем, башку отстрелим, в болото выкинем и скажем, что так и было. Понятно?

– Угу, – сказал Толян.

А что ему еще оставалось сказать?

– Отлично, – обрадовались ребята, спрятали Макарова, развязали Толяну руки, сели в машины и уехали.

И тут произошло чудо! Пока Толян пешком возвращался в город, он полностью излечился. То, чего в течение нескольких лет не могли добиться профессора лучших столичных клиник, Паша с ребятами сделали за две минуты прямого и откровенного разговора. Их беседа оказалась столь убедительной, что исцеление наступило практически мгновенно. На обочину шоссе вылез из кювета Толян-разбойник, а через полчаса в город вернулся уже просто Толик-алкоголик, тихий и безвредный.

Стоит ли говорить, что особым уважением проникся он к Танечке и ее деткам. Бывает, ползет к себе нетрезвый на пятый этаж и видит, как соседка из шестой открывает дверь.

– Здравс-с-с-ствуй-те, Татьяна Валенти-и-и-иновна, – шепчет благолепно, – рад вас-с-с-с видеть.

С тех пор все жильцы стали называть Танечку по имени-отчеству и прославлять ее подвиг перед грядущими поколениями.

– А я всегда знал, что психические болезни лечатся, – многозначительно заметил умный семиклассник Петя из третьей квартиры. – Закончу школу – пойду в медицинский.

СВАДЬБА

Поскольку делать аборт было уже поздно, решили сыграть свадьбу. Невеста пухла прямо на глазах. Она передвигалась неловко и немного боком, как идущая на нерест семга. А купленное за неделю до торжественного события платье пришлось в срочном порядке расставлять. Молодая в нем была похожа на задрапированный перед торжественным открытием памятник удаву, проглотившему футбольный мяч.

Бутылка шампанского в загсе открываться отказалась наотрез. Пробка держалась за стенки горлышка так, как будто от этого зависела ее жизнь. Пальцы приятелей жениха скользили по запотевшему после холодильника стеклу вместилища праздничного напитка.

– Надо по донышку рукой, – посоветовал дружка и тут же воплотил задуманное.

Наклонив бутылку и, как вскоре выяснилось, по роковому стечению обстоятельств направив ее горло прямо в огромный живот новобрачной, он стал с силой бить ладонью по донышку сосуда. Шампанское ахнуло, словно мортира на Севастопольской батарее. Пробка, срикошетировав от упругого чрева, обтянутого белым атласом, улетела куда-то в соседний зал. А струя пенной, как из огнетушителя, жидкости щедро обдала новоиспеченную жену от пояса и ниже. Пока оставшееся на дне бутылки вино раскапывали по бокалам,

молодая, тяжело, как пингвин на кладке, присев, отжимала подол.

– Воды отошли? – завидев мокрое платье новобрачной, радостно всплеснула руками бабушка мужа, дельфином вынырнув из толпы родственников, что встречали свадебный кортеж у подъезда.

– Рано еще, старая карга, уймись, – зашипел внук, стараясь при этом крепкой рукой дотянуться до морщинистой шеи старухи, но та увернулась, и ее тут же смыла толпа.

– В дом достаток, нужда за порог, – рявкнула какая-то тетка, метнув в воздух несколько увесистых пригоршней затхлого зерна трудноопределимого злака.

Труха запорошила молодым глаза, как мартовская бешеная метель.

– Может… хватит… этих приколов? – с придыханием, борясь с подступающей к горлу тошнотой от токсикоза, просвистела молодая, неистово моргая слезящимися глазами.

Впрочем, как вскоре выяснилось, злоключения ее только начинались. Коварно подкравшись к новобрачным под завесой парящей в воздухе трухи, все та же бабушка с силой метнула из кулька прямо в грудь молодой доброе кило конфет – на счастье. Твердая, как галька, карамель ударила в набухшие в ожидании цепких десен младенца соски с такой силой, что молодая завыла от боли.

– На, родненькая, скушай. Может, полегчает, – сжалилась над ней незнакомая женщина, протягивая поднятую с земли

конфетку.

– Да когда ж вы их покупали, бабушка, конфеты эти? – простонала молодая, разглядывая фантик. – На них же еще «Ленинград» написано?

– Ну не «Сталинград» же, – урезонил ее муж, решив вступиться за родную кровь.

Как только осела труха, молодым дали пригубить по рюмке водки. Саму посуду – опять же, на счастье – следовало разбить. Первая попытка не удалась. Рюмки отскочили от земли, как теннисные мячи. Их поймали и снова с силой ахнули об асфальт. Никакого результата. Тогда их стали давить каблуками. Рюмки выскальзывали из-под ног и, вертясь, как сваренные вкрутую яйца, катались по асфальту.

Молодая сообразила первой. Глядя прямо в лицо свекрови своими припухшими от токсикоза и оттого похожими на крокодильи желтоватыми глазами, но обращаясь при этом к мужу, она леденящим душу шепотом произнесла:

– Спроси свою мать, почему она дала нам пластмассовые рюмки?

– Ты уж, правда, мать, даешь, – поддержал жену муж, и уши его зарделись от гнева.

– Да, конечно, – взвизгнула владелица необорных рюмок, испепеляя взглядом невестку, но тоже почему-то адресуясь к сыну, – ты с ней через месяц разведешься, а я буду хрусталь из серванта бить?

– Неси тару, мать, – спокойно и оттого страшно выдохнул

новобрачный, – живо.

Полная решимости отстоять содержимое серванта, свекровь притащила из квартиры два граненых стакана. На этот раз молодые действовали наверняка. Они швырнули стаканы оземь так, как будто хотели проломить асфальт заодно с земной корой и зачерпнуть этими самыми стаканами магму из оливинового слоя.

– Глаза! – только и успела выкрикнуть теща, когда сноп осколков салютом взметнулся с земли.

Отсутствие жертв можно было объяснить единственно волей на то господа. К нему и поехали. Венчаться.

– Христос воскресе, батя, – радостно приветствовал священника молодой, насильно овладевая его рукой для крепкого мужского рукопожатия.

– Август на дворе, сынок, – истово перекрестилась теща.

– Раз уж приперлись, надо по-ихнему здороваться, – огрызнулся новобрачный. – Причем здесь август?

– Как же так? Во блуде зачавши? – только и смог выдавить из себя служитель культа, растерянно глядя на, как казалось, заполнивший всю церковь огромный живот невесты.

– Это непорочное зачатие, – хмыкнул молодой, сорвав смешок у публики.

– Радуйся, что я не еврейка. Я бы тебе сейчас собственными руками обрезание сделала, – пообещала молодая, обводя помещение мутным взглядом свирепого, но обессилившего зверя.

– Не кощунствуйте в храме божьем, – откликнулся то ли на «обрезание», то ли на «непорочное зачатие» священник, рассматривая подозрительные желтые разводы на подоле новобрачной.

– Слушай, поп, я не виноват, что эта дура захотела венчаться, – взревел молодой, тыча пальцем в жену. – И ты меня не зли. А то я сейчас над тобой совершу порочное зачатие.

Священник вздрогнул.

– У меня нервы не железные, – как-то примирительно добавил молодой, указав при этом на свои багровые уши.

Из церкви поехали в ресторан. Молодая сидела за столом прямо, как пограничный столб, боясь расплескать содержимое собственного желудка. Ее муж больше налегал на водку. Праздник катился к своему логическому завершению, когда приятели жениха выкинули фортель. Пошептавшись о чем-то между собой, они, воспользовавшись тем, что молодой на миг отвернулся, подхватили уже не имевшую сил сопротивляться новобрачную под мышки и утащили куда-то по коридору. Судя по запаху – в сторону пищеблока.

– Молодку украли, – умильно закивала головой сведущая в таких делах бабушка. – Муж заметит – будет выкупать.

Муж не заметил. Через полчаса теща фальшивым голосом театрально громко вопросила в пространство:

– И где же наша красавица?

Муж и тут не среагировал. Еще через полчаса дружка, уставший удерживать новобрачную на кухне, сообщил ему о

похищении открытым текстом.

– Да кто ж ее украдет такую? – содрогнулся молодой. – Поди блюет где-нибудь в туалете. Водка-то еще осталась? Эй, мать, дай-ка мне вон ту бутылку…

Еще через час не имеющие возможности крикнуть «горько» гости стали скандировать:

– Не-вес-ту! Не-вес-ту!

Видя, что ему не дадут спокойно насладиться огненной водой, новобрачный злобно обвел взглядом зал. Не обнаружив нигде свою раздувшуюся половину, он встал и заревел, адресуясь, по-видимому, к ней же:

– Если ты, тварь, через пять минут не придешь, я тебе всю морду раскровеню!

Свое обещание он подкрепил увесистым, со всего маху ударом по столу. Посуда на столе подпрыгнула, и покоившийся на блюде поросенок, истекающий жиром, доверчиво ткнулся носом прямо теще в подол.

Теща завизжала так, как, наверное, не визжал сам этот маленький поросенок в последние минуты своей жизни. С резвостью, которую трудно было ожидать в женщине за пятьдесят, она со сноровкой опытной стриптизерши стала сдирать с себя пропитанные раскаленным жиром и оттого невыносимые колготки…

И тут появилась молодая. Она шла по коридору, и духовки ресторанной кухни подсвечивали ее сзади адским пламенем. Ее ножки, видные сквозь полупрозрачное платье, из-за

огромного живота казались тонкими, как спички. Изнуренная последними днями беременности, она двигалась тяжело и враскачку, как капитан Флинт по палубе своего пиратского фрегата. А в ее правой руке был крепко зажат огромный разделочный нож.

– Только тронь меня, обрубок красноухий, – скорее телепатически передала, чем произнесла она, – только попробуй, я тебе все кишки выпущу…

Что было дальше, я не знаю. Увидев нож, я тихо сполз со стула и незаметно, прикрываясь подружкой (говорят, на женщинах колюще-режущие раны заживают быстрее), выскользнул из зала.

А молодым остается только пожелать жить долго и счастливо. Если, конечно, еще одно сказочное пожелание: умереть в один день – не сбылось для них прямо тогда же, в день их свадьбы.

АКТЕР ТЕАТРА МАЛОЙ ВМЕСТИМОСТИ

– Дуглас, – сказал попутчик.

– Что? – не поняли мы.

– Дуглас, – повторил попутчик и для большей убедительности ткнул желтым от табака пальцем в картинку сканворда: – Это Дуглас. Не Майкл, конечно, а Кирк.

– Понятно, – сказали мы, натянуто улыбнувшись.

Поезд Донецк-Москва мерно отстукивал километр за километром. Чтобы хоть как-то убить время, мы увлеклись сканвордом. Угадали бы мы сами актера Кирка Дугласа? Не знаю. В любом случае нас опередил попутчик.

Он подсел к нам на одной из станций. Высокий, слегка полноватый немолодой уже мужчина. Грива седых волос. И пиджак. Помятый, видавший виды пиджак. Он так и сидел в нем, выпрямив спину и глядя в окно, как будто ожидая своей станции.

– Далеко ехать? – поинтересовались мы.

– До конца, в Москву, – обстоятельно пояснил попутчик, добавив, чтобы не осталось уже никаких сомнений: – Домой еду.

– Угу, – кивнули мы, тут же уткнувшись взглядами в пол. Упаси вас бог разговаривать с москвичами в поезде. Они

отравят вам всю дорогу, рассказывая о том, как дружили с Юрием Никулиным. Все москвичи почему-то были с ним лично знакомы. Узнав о том, что вы из Мурманска, москвичи обязательно спросят:

– Ой, а это где?

А представитель сильного пола тут же добавит:

– Я когда-то служил в Североморске.

Никто из москвичей не знает, где находится Мурманск. Но все они при этом служили в Североморске и ловили треску в Кольском заливе голыми руками. В общем, никогда не разговаривайте в поезде с москвичами.

Потом мы увлеклись сканвордом, потом попутчик подсказал нам Кирка Дугласа, потом… Ему – попутчику, не Кирку Дугласу, конечно, – явно не хватало общения. А мы тем временем споткнулись на очередном загадочном вопросе сканворда.

– Самокат, самогон, самопал… – искали мы ответ, и взгляды наши опрометчиво блуждали по купе, где они встретились со взглядом попутчика.

– А я сканворды никогда в дороге не разгадываю, – пояснил он, явно цепляя нас на крючок для разговора.

– У, понятно, – протянули мы, приготовившись к рассказу о дружбе с Никулиным.

– Я раньше перед поездкой всегда покупал тетрадь, – продолжил попутчик, – обыкновенную тетрадь в двенадцать листов. Садился в поезд и начинал по памяти записывать имена

актеров: Майкл Кейн, Дэнни Айелло, Джин Уайлдер, Кристофер Ллойд, Джон Лейн… Мог так всю тетрадку исписать, ни разу не повторившись. Всех знал. И все фильмы с ними. Замечательные фильмы. И актеры, конечно, тоже. Я из-за них в театральный институт и пошел.

– Вы артист? – почти обреченно поинтересовались мы, уже предчувствуя плавный переход к знакомству с Никулиным.

– Актерство у меня в душе, – как-то уклончиво ответил попутчик. – Всех актеров знал, актрис, фильмы, роли мог цитировать часами. Когда в институт пришел поступать, я так прямо и сказал приемной комиссии: «Вы не можете меня не взять, я вам сейчас целую тетрадку заполню именами актеров, не повторяясь. И любой их фильм назову с датой выхода на экран…»

– Взяли? – слегка опешив, поддержали мы разговор.

– Нет, – вздохнул попутчик, – не прошел творческий конкурс. Знаете, все эти песенки, сценки. А я всегда тяготел к большому экрану. Так что профессионального актерского образования у меня нет.

– Но играете где-то? – уже с любопытством спросили мы.

– Москва! – взмахнул руками попутчик. – Чтобы просто обойти все театры, целой жизни не хватит.

– Вы коренной москвич? – задали мы следующий вопрос.

– Не совсем, – опять уклончиво ответил попутчик, – но давно живу в столице и, что называется, проникся духом.

– Вы не могли бы проникаться духом на своей полке? – прервала наш разговор тетка с огромным чемоданом на колесиках. – Я хотела бы поставить багаж и прилечь.

Мы и не заметили, как поезд подошел к очередной станции, и в наше купе прибыло пополнение.

– Да, конечно, – кивнул попутчик и, обращаясь уже к нам, пояснил и без того очевидный факт: – У меня верхняя полка, других не было.

– Угу, – кивнули мы, а попутчик прямо в своем пиджаке полез наверх.

Тетка, проехав чемоданом по нашим ногам, запихнула его под полку, а затем с шумом обосновалась там на ночлег. После этого в купе вновь воцарилось спокойствие, а мы вернулись к своему сканворду.

Впрочем, спокойствие было прервано уже спустя четверть часа. Сначала перед нашими глазами повисли ноги попутчика в дырявых носках. Потом показался мятый пиджак. Спустившись с горних высот, попутчик покосился на крепко уснувшую на своей полке тетку.

– Она не встанет до Москвы, – подумали мы.

– Здоровый сон, – словно читая наши мысли, заговорщически прошептал нам попутчик, кивнув в сторону тетки. – Хотел бы я так спать. Но, увы, у меня бессонница.

– Увы, – эхом откликнулись мы, предчувствуя беспокойную ночь.

– Подвиньтесь, – строго сказал нам попутчик, – пустите

меня к столику, я покушать хочу.

Мы молча сдвинулись в сторону двери. Попутчик потянулся к своей полке, достал откуда-то пакет и начал раскладывать на столике у окна колбасу, хлеб, огурцы, помидоры и вареные яйца.

– Соль, в еде главное – соль, – сказал он и стал искать в пакете солонку. – Мама должна была положить ее.

– У вас мама на Украине живет? – исключительно от нечего делать спросили мы.

– Да, – кивнул попутчик и наконец-то извлек из пакета спичечный коробок с солью, – я все время зову ее в Москву, но…

Попутчик ел медленно и обстоятельно. И тут в купе просунулась проводница.

– Кому нужны миграционные карточки? – вопросила она. – Скоро граница. Граждане Украины есть?

– Есть, – кивнул попутчик и, обращаясь уже к нам, добавил: – Возьмите для меня карточку.

– Но, – изумились мы, когда проводница, вручив нам миграционку, захлопнула дверь купе, – мы думали, вы москвич. Не коренной, но все же…

– Нет, – покачал головой попутчик, – в Москве я просто работаю. Потому что там мой труд востребован.

– Да, многие актеры едут в Москву, – пошли мы ва-банк в своем желании окончательно прояснить ситуацию.

– Многие, – согласился попутчик.

– Играть, сниматься… – продолжили мы многозначительно.

– Это точно, – кивнул попутчик, продолжая уписывать хлеб с колбасой и огурцом.

– Так вы играете? – не выдержали мы. – Вы сказали, что профессионального актерского образования у вас нет.

– Если у вас нет таланта, никакое образование не позволит вам стать актером, – назидательно заметил попутчик. – Я могу перечислить вам десятки имен знаменитейших актеров, которые никогда не заканчивали театрального вуза.

– Мы знаем, – обозлились мы, – тетрадка в двенадцать листов, без повторов. Знаем. Скажите, вы актер или нет?

– Понимаете ли… – начал попутчик.

– Понимаем, – закивали мы, – найти себя в творческой профессии не так-то просто, в современном обществе таланты оказываются невостребованными, нынче на экране процветает бездарность, а телеканалы давно продали душу дьяволу. Мы все это прекрасно понимаем. Скажите нам другое: кем вы работаете?

– В настоящее время я занимаюсь перевозками, – как-то погрустнев, ответил попутчик, – Юго-Западная – Внуково.

– Что? – переспросили мы.

– Юго-Западная – Внуково, – обреченно ответил попутчик. – Людей вожу на автобусе малой вместимости.

– На маршрутке, что ли? – уточнили мы, тоже как-то сдувшись.

– На автобусе малой вместимости, – повторил попутчик и неловким движением положил недоеденный бутерброд на столик.

Наш запал при этом окончательно улетучился. И, слегка гордясь своими добрыми сердцами, мы затараторили:

– Целую тетрадку, говорите, могли исписать, да? И по фото тоже узнаете? У нас тут в следующем сканворде тоже чей-то портрет есть. Не актера ли? Поможете? Да вы кушайте, кушайте. Что же вы, честное слово? Кушайте.

ЛЮБОВЬ НА РАЗВЕС

Все произошло минувшим летом в одном из южных приморских городов, где я на пляже коротал свой отпуск. Однажды рядом со мной пристроились на песочке две девушки. Под ленивый шум прибоя я невольно – не затыкать же было уши! – подслушал их разговор.

– Ну, как у тебя? – поинтересовалась одна из девушек у своей подружки.

– Что «как»? – то ли действительно не поняла, то ли просто решила пококетничать та.

– С твоим-то! – почти возмутилась первая.

– Даже не знаю, – задумчиво протянула счастливая обладательница парня. – Все не могу решить, достоин ли он меня.

– Ты-то у нас конкретно супер, – многозначительно, с явным желанием потрафить произнесла подружка.

– Знаю! – скромно подтвердила ее собеседница.

– А он-то? Красивый?

– Да как сказать… – изрекла счастливица. – Так, обыкновенный.

– Умный?

– Да не то чтобы.

– Одевается стильно? На костюме, на галстуке, да?

– Да нет, обыкновенно так.

– В джинсах, что ли? – сморщилась подружка.

– Брючки, рубашка.

– Богатый, наверное? Машина хорошая? Квартира?

– Не, не особо богатый. Так, работает где-то…

– Значит, любишь?

– Говорю же, не решила еще, достоин ли он меня. Взвешиваю пока.

– А он?

– Что «он»?

– Ну, типа как-то любит?

– Ну, как-то любит. Конечно. У них у всех одно на уме. А у меня требования. Мне нужно, чтобы было видно, что он меня ценит, типа благотворит.

– Боготворит.

– Да, и это тоже.

– Цветы там, рестораны, подарки?

– Бывает. Но больше пивасик. Это он так говорит – пивасик. Бррр! Я-то, конечно… ну так… чтобы ему приятное сделать… как-то сблизиться душевно. Говорю ему: «Тебе нужно, чтобы я почувствовала, чтобы ты как-то доказал…»

– Понятно. Ты-то королева!

– Это само собой. У меня фигура. Меня он не бросит. Я по взгляду вижу. А сама вот все взвешиваю, взвешиваю: достоин – не достоин… Пошли, искупаемся?

И девушки отправились купаться. Потом я задремал. А когда проснулся, рядом со мной уже обосновалось беспокойное семейство, и оставшаяся часть моего пляжного дня про-

шла под крики: «Рая! Рая! Я кому сказала? Шо ты делаешь? Иди быстро до мамы! Скушай помидорку!»

Я бы никогда не вспомнил о случайно подслушанном разговоре двух девчонок, если бы через пару дней…

– Ну, Серега, по пивасику? – привлек мое внимание мужской голос.

– Давай, Витек, – согласился второй голос.

Я лениво приоткрыл веки. На этот раз моими соседями по пляжу были два пролетарского вида парня, держащие в руках по бутылке пива.

– Во, Серега, гляди, гляди, пошла, – Витек указал бутылкой вслед идущей в пену прибоя дамочке. – Джи, не меньше.

– Чего? – недоуменно переспросил его компаньон.

– Размер, – кивнул Витек, – у меня была такая подруга…

– Светка, что ли?

– Светка? Нет! Светка – это сейчас. Там… – голос парня явно погрустнел, – там все по-другому. Нет, это Ирка была. В руку не вместишь. А у меня, ты знаешь, рука не маленькая. Как думаешь, сколько весит?

– Господи! – испугался Серега.

– Не, твоя оценка.

– Да ладно тебе.

– Ты бы сколько дал?

– Не знаю.

– Ну а все-таки?

– Граммов шестьсот.

– Каждая или в комплекте?

– Каждая.

– Вот! Я бы тоже. Но говорят, что на деле меньше.

– А тебя это шо, сильно волнует?

– Это каждого нормального пацана волнует. По любому.

– И ты это со Светкой своей обсуждаешь? – поперхнувшись пивом, недоверчиво уставился на своего приятеля Серега.

– Не, ты шо! – хмыкнул Витек и добавил с явным раздражением: – Со Светкой мы больше пивасик пьем. А «этим» я интересуюсь на форуме.

– ???

– А ты погугли, погугли. Тема-то играет. Потому как всех интересует, кроме тебя. А идеального способа завеса нет. Лучше всего, понятно, отдельно взвешивать. Там есть один патологоанатом на форуме. Пацан видно, что знающий, всякие словечки запаривает медицинские…

– Как же ты отдельно-то взвесишь?

– Понятно, что чисто теория. От трупака только отрезать. На практике можно положить ее на живот. Ну так, знаешь, тюленьчиком. А спереди подсунуть напольные весы. Лучше электронные. Но тут важно, чтобы она, с одной стороны, не налегала, понимаешь, на них, а с другой – чтобы и не приподнималась. В общем, точность не особая.

– Слушай, хватит, блин. У нас так вагоны с углем в порту взвешивают перед разгрузкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.